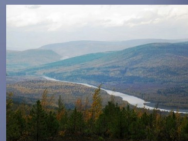

А. В. Виноградов

*Записки
геологоразведчика*

Часть 4

Приполярный Урал.
Саранпаульская экспедиция

Александр Викторович Виноградов

Часть 4. Приполярный Урал.

Саранпаульская экспедиция

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24269489

Аннотация

4-ая часть "Приполярный Урал. Саранпаульская экспедиция" описывает события с 1960-го по 1966-ой годы. Продолжение работы молодого специалиста. Организация геологоразведочных работ в летний и зимний периоды в условиях бездорожья. Техника и технологии проходки шурфов в таликах на россыпное золото, проходка разведочных канав с буровзрывными работами, колонковое и ударно-канатное бурение.

Содержание

Часть 4. Приполярный Урал. Саранпаульская экспедиция	4
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Часть 4. Приполярный Урал.

Саранпаульская экспедиция

Введение

Этот отрезок моей жизни и работы принёс мне немало радостей и огорчений, дал мне большой опыт организации работ в труднодоступных районах в условиях полного бездорожья. Казалось бы, лучше сидеть в спокойной Североуральской экспедиции после капитальной встряски организма в Енисейске и набираться опыта. Однако, не зря говорят опытные люди – Север всегда тянет к себе тех, кто там побывал. То же случилось и со мной – я снова оказался на Севере.

Карпинская партия. Перевод в Тюмень. Саранпаульская экспедиция. Район работ. Руководство

Приехав из Енисейска, я пошёл проситься на работу к В. А. Ривкиной, начальнику Североуральской экспедиции. Экспедиция имела превосходные показатели до 1960 года, т.е. до тех пор, пока занималась только разведкой бокситовых месторождений. В 1960 году во время очередной реорганизации ей передали в подчинение две партии – Карпинскую и Сосьвинскую, которые до этого управлялись из г. Ивделя Северной экспедицией. Результаты работы этих партий

не впечатляли т. к. они работали на отдалённых таёжных участках. И чтобы как-то улучшить их работу, экспедиции пришлось им оказать существенную помощь – как материальную, так и кадрами. Надо, правда, отметить, что кадры из Североуральска там не закрепились и через год снова вернулись в благополучные бокситовые партии.

Я давно заметил, что людей, приходящих проситься на работу "с улицы", инициативников, направляют на работу в самые тяжёлые и непрестижные места. Правда, это не только потому, что человек "с улицы", но в большей степени из-за того, что из хороших мест люди не уходят, и там нет кадрового голода. Остаются вакансии только в "плохих" местах.

В данном случае со мной так и поступили. Вера Абрамовна не оставила меня в Североуральске, а сказала, что мне надо ехать на "усиление" Карпинской партии. Партия базировалась в п. Сосновка, где жили лесозаготовители, но через полгода перебралась в п. Веселовка, в 7 км от Карпинска.

Полгода я руководил буровой бригадой, а весной попросился поработать горным мастером и с отрядом проходчиков колесил по трём районам, занимаясь проходкой шурфов. Труд и быт людей в партии и на участках был организован неплохо. По сравнению с Енисейском – ничего похожего.

Зимой все жили в тёплых, хорошо отремонтированных старых домах. Печи регулярно топились техничками. Вода на бурение подвозилась водовозками из заранее пробуренной водяной скважины. Люди работали по 4 дня, потом пе-

ресмена. Возили автомашинами. Я завязал хорошие отношения с горнотехнической инспекцией, сдал им дополнительный экзамен и получил "Единую книжку взрывника" на открытые и подземные работы. Получил хорошую практику по оформлению разрешений на право производства взрывных работ, а также разрешений милиции на право перевозки взрывматериалов. Много практиковался на шурфах сам в местах непосредственного производства взрывных работ. Сам получал взрывчатку на Воронцовском руднике. Знания, полученные на этих работах, оказались очень полезными.

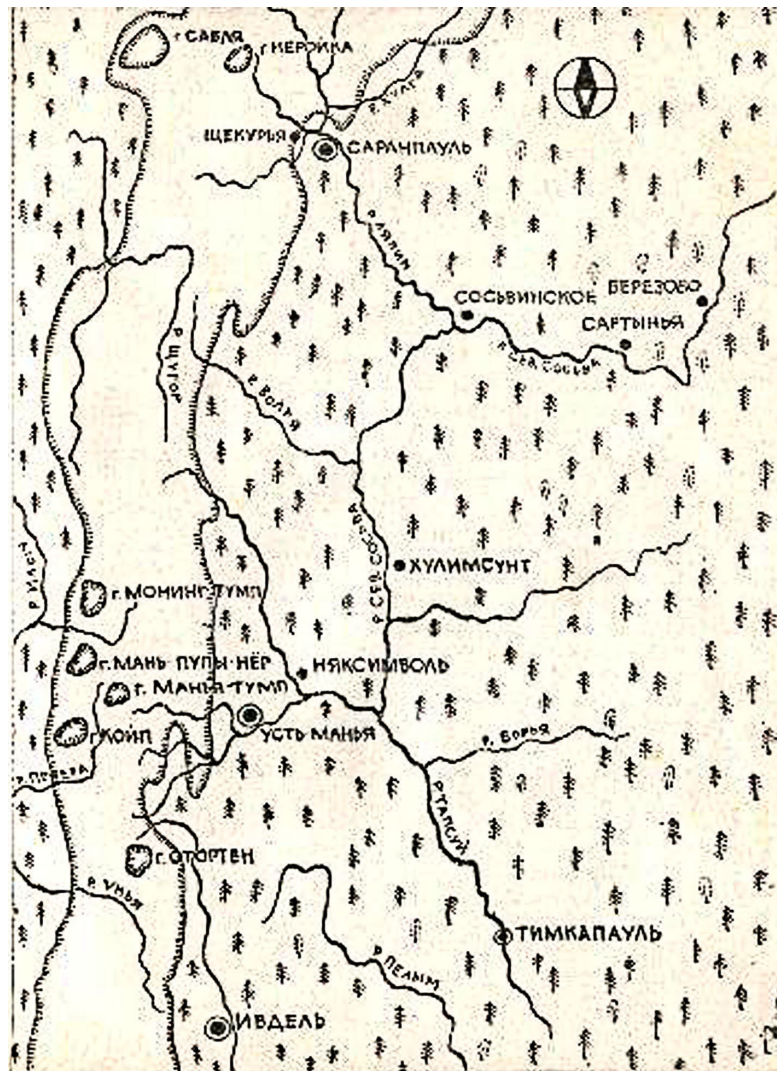

Рис. 1: Схема района работ экспедиции

Осенью, вскоре после приезда, купил себе мотоцикл М1М и несколько раз зимой ездил из Североуральска в Сосновку, преодолевая бездорожье в районе п. Берёзовка. Иногда приходилось ехать по одной колее от автомобиля ЗИЛ-157. Летом компанией по 3-4 человека несколько раз ездили на пионерке с мотоциклетным мотором по узкоколейной железной дороге от Сосновки в верховья Вагран. Правда, это мероприятие было совсем небезопасным. Надо было вовремя заметить идущий навстречу поезд, всем соскочить и руками снять пионерку с рельсов, оттащив её на безопасное расстояние.

Однажды, совершенно случайно по радио я услышал передачу про начальника Ямало-Ненецкой геологоразведочной экспедиции Вадима Бованенко. Передача была неплохо построена, и я её слушал с большим интересом. Рассказывалась его история – как он учился в Москве, как играл в баскетбол (он был около 1,9 метра ростом), как попал на Север, в Салехард, и чем там занимался. Мне это как-то запало в душу. Всё-таки Тюменская область – это рядом. Кроме этого у нас трактористом работал Польшиков Николай Иванович, ещё сравнительно молодой, но участник войны. Своё первое боевое крещение он получил в 18 лет в знаменитом танко-

вом сражении под Прохоровкой в 1943 году, где он был механиком-водителем танка Т-34. В Карпинской партии он появился в 1957 году, приехав из Тольинской партии, в то время располагавшейся в Тюменской области, но подчинявшейся Северной экспедиции Уральского геологического управления.

Когда в 1957 году Н. Хрущёв образовал территориальные органы управления – совнархозы, то к ним в подчинение переходили и геологические организации, расположенные на их территории. Таким образом, Тюменский совнархоз вытеснил с территории Приполярного и Полярного Урала (географически это была Тюменская область) геологов Уральского геологического управления в Свердловске. Это была, на мой взгляд, грубая ошибка. Уральские горы и тесно прилегающая к ним территория – это фактически единая геологическая провинция, и поиски месторождений полезных ископаемых должны бы координироваться из единого Уральского центра, коим всегда был Свердловск. В 1958 году Уральское управление частично ликвидировало, а частично передало в состав Тюменского геологического управления в тех районах свои организации – Полярно-Уральскую экспедицию на Полярном Урале, Няксимвольскую геофизическую и несколько партий на Приполярном, в том числе Тольинскую и Усть-Маньинскую.

Однако вернёмся к Н. И. Польщикову. Мы с ним часто разговаривали про охоту и рыбалку и он часто вспоминал

времена, когда он жил в Толье. Его рассказы про количество там дичи и рыбы, их размер, вызывали, по меньшей мере, удивление, а часто и недоверие. Действительность же опрокинула его рассказы – он видел лишь малую часть того, что там действительно было.

Про геологов Тюмени я не знал ничего – нигде не было никакой информации. Правда, два события из передач радио и газет в памяти отложились – это открытие газа в Берёзове в 1953 году и полученная в 1960 году нефть на одной из скважин Шаимской экспедиции. Меня снова начало тянуть на Север после этих рассказов Польщикова и упомянутой уже радиопередачи. И я решил съездить в Тюмень, в геологическое управление.

К двум выходным дням я попросил ещё 3 дня у начальника партии и отъехал. Сообщение с Тюменью было не очень удобным – на дорогу туда и обратно надо было 4 дня. Приехал в геологическое управление. Оно находилось в центре города рядом с обкомом партии на ул. Водопроводная, дом 36. Занимало один подъезд жилого дома и имело 4 этажа. Из кадров меня отправили в кабинет главного геолога.

Там была открыта дверь, и мужчина небольшого роста с круглым лицом – это был главный геолог управления Ровнин Л. И. – расспросил меня, кто я и откуда, чем занимаюсь и что умею делать. В кабинете с ним находился ещё один сравнительно молодой человек. Как потом оказалось, это был старший геолог по твёрдым полезным ископаемым Подсосов

А.И.. Они немного посоветовались и сказали, что согласны меня взять и направить в распоряжение начальника Полярно-Уральской экспедиции С. Г. Караченцева .Уже из названия было понятно, что располагалась она на Полярном Урале, на станции 106-й километр железной дороги Сейда-Лабитнанги. Я согласился. Мне в кадрах быстренько сделали письмо на имя Ривкиной В. А. с просьбой отпустить меня переводом в Тюмень.

Кроме чисто тяги к Северу, я хотел получить какой-то самостоятельный участок работ, т.к. я чувствовал у себя силы, знания и желание к такой работе – я уже перерос должность рядового исполнителя. У меня, конечно, ещё не хватало опыта, но его можно было получить только на непосредственной работе. Конечно, через несколько лет работы в Североуральской экспедиции мне бы доверили и более ответственную работу, но я интуитивно чувствовал, что мои знания могут быть востребованы уже и сейчас, но только на Севере.

Начальник партии, узнав, зачем я ездил, сразу сказал, что узнай он про это дело раньше, не дал бы мне такой возможности. Ривкина В.А. сначала уговаривала меня остаться, но потом, поняв моё твёрдое намерение уехать, подписала-таки перевод.

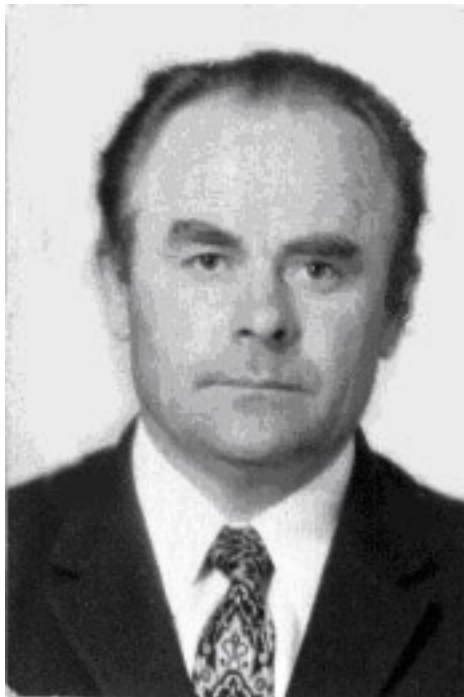

Рис. 2: Чепкасов В.А.

Сборы были недолгими, и в начале ноября 1961 года я выехал в Тюмень. Пришёл в отдел кадров, а там мне сказали, что я должен встретиться с начальником вновь организованной Саранпаульской экспедиции В.А. Чепкасовым. Ранее я

не слышал ни такую фамилию, ни экспедицию.

Встретились. Это был сравнительно молодой мужчина где-то до 35 лет, ниже среднего роста, но широкоплечий и коренастый с чрезвычайно густыми, нависшими бровями. Они ему придавали вид хмурого, неразговорчивого человека (что в дальнейшем не подтвердилось). Манера разговора со мной была в большей степени оценивающей, и результат в какой-то степени его удовлетворил. Он сказал мне, что неделю назад подписан приказ об организации этой новой экспедиции, и он предлагает мне начать в ней работу инженером по бурению, правда с приставкой и.о. — исполняющий обязанности. Такая приставка давала право руководителю в любой момент снять человека с должности без объяснения причин или уволить. Но она же давала право и часто переводить человека на другие работы по усмотрению руководителя. Как потом оказалось, все вновь принятые на должности начальников геологосъёмочных партий, их старшие геологи — все молодые ребята также имели приставку и.о. Это был стиль руководства, правда, я до сих пор не знаю, чей.

Через неделю после моей достаточно плотной работы начальник экспедиции повысил меня до старшего инженера, но приставка и.о. осталась. Оклад у меня был 150 рублей, плюс поясной коэффициент 30%, плюс полевое довольствие 3,5 рубля в сутки. Кроме этого, Саранпауль относился к районам, приравненным к Крайнему Северу и имел соответствующие льготы. Когда я заметил, что (вообще-то) меня снача-

ла направляли работать не в Тюмень, а на Полярный Урал, то мой начальник Вениамин Александрович на это внятно не отреагировал.

Чепкасов В.А. был уже опытный руководитель. На Севере он проработал более 10 лет. Начиная работать в "Дальстрое" на Колыме, потом переместился на Полярный Урал, где прошёл все должности вплоть до начальника Полярно-Уральской экспедиции.

Вторым человеком, зачисленным в состав экспедиции, был заместитель начальника по общим вопросам Ильяшевич Михаил Васильевич – достаточно колоритная фигура по многим параметрам. Он был большого роста, старше 50 лет, с курчавой головой, толстыми губами и широким приплюснутым носом. Его облик наводил на мысль, что в его генеалогии могли быть африканские корни. В начале 50-х годов он с должности областного прокурора в Казахстане перешёл работать начальником Тургайской геофизической экспедиции, после чего его перевели начальником Няксимвольской геофизической экспедиции в составе Уральского геологического управления. Многие его знали и рассказывали, как он ходил всегда по посёлку с пистолетом на животе за брючным ремнём. После ухода из этих мест уральских геологов, он перешёл на работу к тюменским геологам и был заместителем начальника Сартыньинской нефтеразведочной экспедиции в Березовском же районе на р. Северная Сосьва. После того, как выяснилась бесперспективность Сартыньи, экспедицию

понижили в ранге до партии, а Ильяшевича перебросили в Саранпауль. В Свердловске он успел получить квартиру на ул. Гагарина, что находится слева от УПИ, в сторону Пионерского посёлка. Таким образом, после начальника и его заместителя я был третьим по счёту человеком, принятым в Саранпаульскую экспедицию, т.е. фактически начинал работу с нуля.

Толчок для организации целой новой экспедиции дал один необычный случай. Геологосъёмочная партия под руководством Г. Г. Ефимова в сезон 1961 года в верховьях р. Хобею заложила в пойме несколько шурфов. При промывке песков в одном из них, № 92, намыли весовое золото, давшее в пересчёте на объём содержание около 30 грамм на куб песка. Одна золотишка имела и приличный, продолговатый размер, близкий к "таракану". Когда об этом узнали в геологоуправлении, то велели срочно доставить пробу в Тюмень.

Подсосов А.И. немедленно вылетел с ней Москву и показывал этих золотых "тараканов" во многих министерских кабинетах. На некоторых это производило неизгладимое впечатление. Я и позже замечал, что некоторые, даже весьма крупные министерские руководители, принимали за чистую монету хорошо и красочно исполненные художником картинки, ничего общего не имеющие с действительностью.

Рис. 3: Река Хобею в верховьях

Завершение этой истории выглядело следующим образом: после схода весеннего паводка в 1962 году нашли этот шурф и с четырёх сторон заложили 4 новых – ни один из них не показал в пробах золота. Тогда дали команду – очистить шурф № 92 и взять пробы прямо на его забое – и там не оказалось больше золота. Вот такая необычная история.

Конечно, вопрос о создании здесь новой экспедиции со-

зрел и без этого случая с золотом. Ведь после 1957 года огромный регион Приполярного Урала фактически оставался без систематических геологических исследований. Поэтому новая экспедиция организовывалась с целью расширения объёмов геологической съёмки масштабов 1:50000 и 1:200000, организации поисков и разведки месторождений россыпного и коренного золота, стройматериалов, угля, а также геофизических исследований – аэромагнитки и гравитки.

Здесь уже работали аэромагнитная партия под руководством Латыпова А. А. с базой в п. Няксимволь, уже упомянутая партия Ефимова Г. Г. и ещё одна буровая бригада для съёмочной партии, называвшейся почему-то буровой партией под руководством И. М. Сидоряка. Все они подчинялись Салехардской геологоразведочной экспедиции. С ноября же 1961 года они перешли в подчинение новому руководству Саранпаульской комплексной геологоразведочной экспедиции (СКГРЭ).

По площади район работ был очень велик и располагался на территории Берёзовского района Ханты-Мансийского национального округа. Протяжённость с юга на север около 600 километров – от границ Свердловской области до верховьев р. Хулга; с запада на восток – более 100 километров, начиная от осевой части Уральского хребта. Вся территория деятельности экспедиции в летнее время была абсолютно непроходима для наземных обычных видов транс-

порта – автомашин, тракторов, гусеничных тягачей. Только появившиеся в 1963 году 2 специальных гусеничных транспортёра-амфибии К-61 могли достигать отдельные участки работ по речному руслу – где вплавь, а где на гусеницах. Зимой, после замерзания болот, озёр и рек, можно было доставлять грузы наземным транспортом высокой проходимости по зимникам. В горах единственным транспортом были вьючные лошади и человек. И вообще, весь район работ был просто пронизан бесчисленным количеством рек, речек, ручьёв, озёр, болот. Леса располагались, как правило, вдоль рек. Основные реки были Северная Сосьва и её приток Ляпин, практически судоходные в любое лето. Ляпин в районе Саранпауля сливался как бы из многих рек – Маньи, Хулги, Щекурьи, Польи, Ятрии. Манья была ещё судоходна даже на 60 км выше Саранпауля. Ширина Ляпина – около 400 метров. Кроме названных рек были ещё десятки поменьше.

Рис. 4: Река. Ятрия

Кроме водного транспорта работала авиация. Из Тюмени до Берёзова ходили ИЛ-14, а из Берёзова в Саранпауль АН-2, причём летом ходил поплавковый вариант, который садился прямо на Ляпин. Для АН-2 были сухопутные аэродромы в Толье, Няксимволе, Усть-Манье и Ивделе. Но из Ивделя ходили только наши спецрейсы, пассажирских рейсов не было.

Первая партия тяжёлого типа с проходкой глубоких шур-

фов на поисках россыпного золота в долине р. Хобею должна была заработать зимой в январе 1962 года – такая была поставлена задача в Геологоуправлении. Никого не интересовало, что на этот момент не было никакого материально-технического обеспечения. Что нам выделили сразу, так это палатки, топоры, кайла, лопаты, бензопилы и прочую мелочь. С этим инструментом можно было проходить шурфы глубиной до 3.5 метров, и сухие. Но предстояло бить шурфы до 10 метров и с очень приличным водопритоком. Для этого были необходимы мощные насосы и железо для работы с воротками – бадьи, специальные крючья, храповики, воротки. Для промывки выданной из шурфов породной массы нужны были ендовки и промывочные лотки.

Во время обсуждения с Чепкасовым проблемы водоотлива при проходке шурфов на россыпное золото, я рассказал ему, что Сосьвинская партия в Североуральской экспедиции использует для этой цели поршневые насосы типа "Лестю", которые изготавливаются в мехмастерской экспедиции, включая и червячные редукторы РМ-250. Он проявил к этому делу интерес, но сначала велел мне поискать что-нибудь подходящее для этих целей на материальной базе нашего управления. В отделе снабжения мне предложили ручные насосы "Гаро" для перекачки топлива из бочки в бак трактора – они совершенно не имели понятия, что нам требуется. Нужны были насосы с автономным приводом и производительностью до 70 куб. метров в час – таков бывает обыч-

но приток в шурфах на золото, да и стоять такой насос должен на поверхности. Я прошёл также и все склады, но ничего близкого так и не нашёл. Дело в том, что такие насосы наша промышленность не выпускала.

Тогда Чепкасов В. велел мне собираться в дальнюю дорогу – сначала Североуральск, в экспедицию, чтобы взять там техническую документацию на насосы. Затем проехать в Ивдель, на перевалбазу. Оттуда вместе с Ильяшевичем М. спецрейсом вылететь в Саранпауль, познакомиться с местностью и вернуться в Тюмень.

Перед отъездом зашёл в рыбный магазин – хотел взять с собой что-нибудь. В то время все магазины буквально ломились от рыбы. Осетрина стоила 2,9 руб., стерлядь 2,6 руб., муксун 1,6 руб., сырок 1,1 руб. за 1 кг. Всякая "сорная" рыба типа щуки, карася, чебака – вообще копейки. Увидел несколько висящих золотистых рыбин весом до 4 кг – это была нельма холодного копчения по 5 руб. за кг. Взвесил осётра на 8 кг и попросил ненадолго отложить. Я намеревался забрать его за полчаса до отхода поезда, чтобы он не оттаял у меня в руках. Продавцы не брались оставлять его до моего прихода. Велели забирать сразу. Я решил купить билет и приехать снова. С билетом вышла задержка из-за очереди в кассу, и в магазин я опоздал.

Утром я уже был в Свердловске. Решил купить себе хорошее зимнее пальто. Заехал в пассаж – ничего приличного. Тогда зашёл наудачу в комиссионный магазин на Вайне-

ра. Увидел великолепное пальто моего размера из очень дорогого тёмно-коричневого драпа с шикарным каракулевым воротником. Пальто совершенно не имело следов носки и было довольно-таки дорогое – больше 200 рублей. Я сразу же купил его. Днём съездил к своим однокашникам, которые пошли работать в НИПИГОРМАШ. Увиделся примерно с шестью из них. Они вышли, поговорили о нашем выпуске. По их данным в геологоразведке осталось работать человека 4 из всего выпуска. Остальные ушли работать в различные научно-исследовательские и проектные институты, причём подавляющее большинство со сменой специальности.

Днём следующего дня уже был в Североуральске и появился в конторе экспедиции. К моим просьбам отнеслись с пониманием и обещали подготовить комплекты чертежей нужных мне механизмов. На другой день я съездил в Сосвинскую партию, в Покровск-Уральский. Побеседовал с начальником партии П.А. Крупновым и ст. геологом С.А. Ушаковым.. Для меня организация проходки шурфов на золото была делом совершенно новым, и беседы с ними и их советы были для меня чрезвычайно ценны. Они подсказали ещё много деталей, о которых я и не подозревал. Кстати говоря, контакты с ними по разным вопросам продолжались ещё много лет.

На другой день в техотделе экспедиции мне напечатали все нужные синьки, и я поехал в г. Ивдель. Прямого пути туда не было, и ехать пришлось вначале поездом на Серов, а

оттуда другим поездом на Ивдель. Это оказался небольшой, сплошь из деревянных домиков состоящий городок. Был я там в первый раз, хотя он и находится рядом с Североуральском. Нашёл перевалбазу, которая располагалась в одном из частных домов и использовалась Латыповым А. А. для нужд своей партии. Там познакомился с зам. начальника экспедиции Ильяшевичем М.В., который уже был в доме. Глядя на моё "богатое" зимнее пальто, он принял меня сначала за главного инженера экспедиции и начал что-то выпрашивать на какие-то важные темы, хотя против него я был пацан в два раза моложе. Когда я ему сказал, что такие сведения не входят в мою компетенцию, т. к. я старший инженер, то он успокоился. Переночевали и утром поехали на аэродром. Там уже стоял самолёт аэромагнитной партии. Загрузили попутный груз и вылетели в Саранпауль.

Под крылом шёл достаточно разнообразный пейзаж. Леночные боры вдоль сильно меандрирующих русел рек перемежались с болотистым мелколесьем. Около крупных рек хорошо были видны многочисленные старицы. Жилые поселения закончились через 20 минут полёта – это был север Ивдельского района. Далее никаких признаков жилья не наблюдалось в течение почти 2-х часов.

Вскоре после двухчасового полёта показались домики достаточно большого села – это и был Саранпауль. Самолёт сделал полукруг и приземлился у самой окраины, подрулил к какому-то домику и заглушил двигатель. Домик оказался

один во всех лицах – здание аэропорта, метеостанция, резиденция начальника. Мы вышли и пешком пошли в село – до здания конторы экспедиции оказалось недалеко. Тут есть небольшая предыстория.

Саранпауль – довольно большое село по северным меркам и практически всё вытянуто по берегу судоходной реки Ляпин. Условно делилось на три деревни – первая, вторая и третья. Между ними были низинные промежутки, которые в многоводные вёсны затоплялись внешней водой.

До недавнего времени в Саранпауле базировалась экспедиция № 105 6-го Главка Мингео СССР, который по всей стране занимался поисками, разведкой и добычей пьезооптического сырья и графита. Вообще эти экспедиции имели везде очень солидную материальную основу, хорошую организацию труда. Да, видимо, по-другому было и нельзя, т. к. это сырьё имело важное значение для обороноспособности страны. У этой экспедиции почти в осевой части Уральских гор располагалось 4 добычных партии. Причём две из них на восточном склоне – Неройка и ещё одна, а Пелингичей и Народа – на западном. Год назад в Главке решили базу экспедиции перенести на железную дорогу Москва–Воркута на ст. Кожим – это западный склон. Присвоили ей № 118. А в Саранпауле оставили только часть складов, небольшую мехмастерскую, транспортную технику для снабжения по зимним дорогам своих партий с восточного склона. Во главе этой базы поставили местного кадра – Канева Афанасия Никаноро-

вича. Всё, что было им не нужно, они передали нашей экспедиции – контору, склад ВМ, часть общежитий. Надо сказать, что на первых порах Канев нам помогал, чем мог, особенно запчастями для транспорта, изготовлением некоторых железок в своей мехмастерской. Он, видимо, рассчитывал, что когда-то и мы станем на ноги и где-то поможем ему, но не дождался. Вскоре ему стало надоедать наше нищенство, и он уже реже шёл нам на встречу.

Контора располагалась прямо на берегу Ляпина и имела вполне приличный вид, как снаружи, так и изнутри. Десятка полтора комнат, отопление водяное от своего котелка. Работали истопники, чтобы не заморозить систему. Здесь же пока временно жили и инженерно-технические работники, Ильяшевич М., Ефимов Г.Г. и вскорости должны были поселиться я и Латыпов. В комнатах были спальные мешки. Сходили в магазин, купили кое-что покушать. Все сели за стол, а Ильяшевич М.В. достал из мешка какую-то вяленую рыбу. Размеры её были порядочные – до 30 см в длину. Мне сказали, что называется она сырок, ловится в Ляпине, и все жители запасают её на зиму. Купить её можно за 15-20 копеек рыбина в зависимости от величины. Рыба оказалась очень даже вкусной, особенно крупные экземпляры. Очистишь её от шкуры, а она аж светится от пропитавшего её жира.

Выпили за знакомство, за хорошее начало работ экспедиции. Ефимов, как и я,пил очень мало. Через какое-то время Латыпов ни с того ни с сего к чему-то затеял разговор про

тараканов, якобы выловленных им в борще ресторана в г. Ивдель. Лицо у Ефимова как-то сразу напряглось, взгляд его принял отсутствующее выражение и он, извинившись, сказал, что ему надо выйти. И вышел. После этого Латыпов рассмеялся и сказал, что Григорий Григорьевич вышел поблелевать. Оказывается, после всех перенесённых тягот в жизни у Ефимова возникла стойкая неприязнь к такого рода рассказам и событиям. Судьба обошлась с ним очень круто. Он офицер, воевал в действующей армии, но, то ли в конце войны, то ли сразу после, был арестован по доносу и осуждён по 58 статье на 10 лет лагерей. Отсидел почти весь срок на Севере – Воркута, Салехард. Судьба его сильно напоминает судьбу Солженицына А.И., и даже внешне они сильно похожи. В эту встречу он рассказал только один эпизод из своей лагерной жизни – им дали задание сложить кирпич в штабеля. Они сделали это очень быстро, но внутри штабелей искусно оставили пустоты, а объём кладки считался по наружному обмеру. На этом деле они "заработали" лишнюю пайку. Конечно, это был интересный, неординарный человек, но судьба меня с ним сводила в будущем очень редко, только на время случайных коротких встреч.

Чуть позднее, в этот же вечер, зашёл разговор о воздушном взрыве мощного термоядерного заряда, проведённого месяц назад над Новой Землёй. Оказывается на Севере это было крупным событием. Всех жителей Салехарда вывели из домов, часть окон была выдавлена ударной волной. В п. Ам-

дерма вынесло окна и двери. Всех геологов вывезли с поля из опасных районов прохождения ударной волны. Я думаю, что ударная волна уже на излёте, в виде сильного ветра, 30 октября дошла и до Североуральска. В этот день несколько часов подряд с севера дул небывалой для этих мест силы ветер. Казалось, что на него можно лечь, и он не даст человеку упасть на землю. Эти события описывали и другие геологи-съёмщики, приехавшие к нам работать с Полярного Урала. Они говорили, что просматривалась вспышка вдалеке, но уже не яркая, и пришёл сильный гул.

Ильяшевич М., кроме решения проблем экспедиции, был ещё занят тем, что "выбивал" в управлении для себя наряд на покупку автомашины "Волга". Тогда они ещё стоили 4000 руб., но в любой момент цена на них могла начать расти, т.к. спрос резко увеличился. Он получил её и перегнал в Свердловск где-то уже в мае следующего года. Через год цена на них выросла почти в полтора раза.

Познакомился с начальником буровой партии И.М. Сидоряком. Это, конечно, партией можно было назвать только условно – одна буровая бригада и то неполного состава. Занималась бурением картировочных скважин по точкам геологической съёмки масштаба 1: 200000. Сам он работал на Севере уже давно, чуть ли не с послевоенных времён. Занимался бурением структурных скважин ещё у профессора Чочиа.

Осмотрели в посёлке переданные нашей экспедиции до-

ма, общежитие. Пошли с Ильяшевичем в поселковый совет познакомиться с председателем. Председатель – Малюгин Илья Николаевич, инвалид, где-то потерял ногу, мужчина небольшого ростика, но достаточно шустро прыгавший по посёлку. Оклад у него был 50 руб., плюс северные надбавки. Любимой темой разговора с ним приезжих во время "чаепитий" был вопрос: "Илья Николаевич! Ты паровоз видел?" – И он всегда резко отвечал: "Нет. Никогда. Я из Саранпауля никогда никуда не выезжал!". Первый и последний раз ему пришлось выехать в Ханты-Мансийск в 1964 году на похороны брата, который погиб в числе всех пассажиров рейсового самолёта АН-24, сгоревшего на полосе при посадке. Судьба его самого тоже оказалась трагичной – в конце 60-х годов он замёрз прямо в посёлке.

Закончив все дела в Саранпауле, я поехал в Тюмень. Возвращался через п. Берёзово. В один день редко удавалось достичь Тюмени, т. к. рейсовый самолёт Ан-2 прилетал в Берёзово из Саранпауля после обеда, и на рейс в Тюмень на этот же день купить билет было практически невозможно.

Прилетел я туда в первый раз и пошёл искать гостиницу для ночлега – знакомых у меня там не было. В центре посёлка нашёл гостиницу. Это было двухэтажное деревянное небольшое здание рядом с пристанью. Внутри же был и ресторан "Сосьва". Место для меня оказалось в комнате на втором этаже, где стояло 7-8 кроватей. К вечеру среди постояльцев гостиницы и посетителей ресторана я увидел много

авиаторов – видимо, у них не было своей гостиницы-приезжей, и они пользовались коммунальной. Утром следующего дня я вылетел на самолёте Ил-14 в Тюмень и через 3 часа лёта был на месте.

Работа в Тюмени. Изготовление насосов. Руководство управления. Заявки. Приём рабочих. Вылет в Саянпауль

По приезде в управление я доложил Чепкасову о результатах поездки. Он сразу озадачил меня множеством дел – надо было где-то разместить заказы на изготовление насосов "Летестю", чертежи которых я привёз из Североуральска, и других железок для проходки шурфов, составить годовые заявки на материально-техническое снабжение экспедиции в 1962 году и по мере подхода людей в отдел кадров управления подбирать нужных рабочих для экспедиции. Я думаю, что перед этим он представил меня в руководстве управления как одного из своих уполномоченных представителей по вышеперечисленным вопросам, и меня беспрепятственно принимали везде, вплоть до начальника управления Ю.Г. Эрвье. Сам Чепкасов В. А. также был занят выше головы организационными вопросами, подбором кадров ИТР, частыми поездками в район.

Встал вопрос о месте моего проживания в Тюмени на этот период – в гостинице было дорого, да и неудобно. Тогда он договорился о моём поселении в общежитие ИТР на ул. Холодильная – это была в то время глухая окраина Тюмени на

Сибирском тракте. Основное место там занимал комплекс зданий СПТУ для подготовки бурового персонала и учебная буровая вышка. Там же было и одноэтажное общежитие ИТР. Причём между этим комплексом зданий и сооружений и первыми жилыми домами города располагался большой пустырь. В этом же районе, но ближе к городу, по улицам Киевская и Минская было много двухэтажных жилых домов, где жили работники геологического управления. Добирался на работу автобусом, или, если долго его не было, пешком около 25 минут. В одном из отделов управления мне выделили письменный стол и работа пошла.

Самый крупный вопрос – насосы. Пришёл к главному механику Савину К.И.. Он посмотрел чертежи и сказал, что надо идти к главному инженеру управления. Пришли. Морозов Николай Михайлович, в ослепительно белой рубашке и галстуке, без пиджака. После моего краткого рассказа об условиях проходки шурфов на золото в талых породах, сразу понял суть дела, и у него не возникло ни малейших сомнений в необходимости этого оборудования. Он совершенно твёрдо дал задание Савину изыскать мощности для их изготовления. Мехмастерские экспедиций, по моему опыту, всегда и везде загружены заказами сверх меры. Возник вопрос с изготовлением червячных редукторов – их в мехмастерских изготовить не могли вообще по причине повышенной сложности. Кстати говоря, мехмастерская Североуральской экспедиции, хотя и была намного меньше, чем в Тюмени, их очень

хорошо изготовляла. Решили для их изготовления обратиться на Тюменский завод строительных машин, но оба собеседника сказали мне, что обращение на этот завод – уровень начальника управления, и поручили мне подготовить письмо за подписью начальника управления с просьбой изготовить в первую очередь 2 редуктора, а во вторую – полностью четыре насоса. Два насоса они решили изготовить в мехмастерских Тюменской экспедиции, на её базе в Парфёново. Быстренько подготовил письмо, собрал 2 визы своих недавних собеседников и пошёл вверх, в приёмную начальника геологического управления. Небольшая комната, где сидела секретарь, женщина средних лет. Недалеко, у окна, стучал телетайп. Она спросила меня, по какому я вопросу – видела она меня почти впервые (не считая визита к Морозову Н.М.) – и разрешила войти.

В кабинете средних размеров (значительно меньше, чем были кабинеты некоторых начальников экспедиций), сидел человек в голубоватом костюме, возрастом ближе к 50 годам, с сильной сединой, но с абсолютно чёрными густыми бровями, в тонких золотых очках. Под костюмом также просматривалась белая рубашка. Он прочитал письмо, задал мне несколько мелких, уточняющих вопросов – чувствовалось, что он в курсе наших дел. Письмо он подписал без всяких поправок и сказал, чтобы я сам его отвёз на завод с чертежами вместе. Это был знаменитый в будущем Юрий Георгиевич Эрвье – начальник Тюменского территориального геологи-

ческого управления, в будущем Первый Зам. Министра геологии СССР. О нём, конечно, надо писать отдельно, т.к. руководители геологической службы такого мышления и масштаба дел даже в те времена встречались чрезвычайно редко. Но писать не мне.

Обедать я ходил, как правило, в ресторан "Заря" при одоимённой гостинице. Там можно было очень прилично пообедать и недорого. Брал всегда какую-нибудь холодную закуску из копчёной рыбы – тёша или балык из осётра, солянку по-грузински, бутылку пива. Иногда на второе брал жареного муксуна. Иногда сборную рыбную солянку. Качество и разнообразие хорошей рыбы в те годы было просто потрясающим – с тех пор я нигде такого не видел. Мясо в разных видах также было, и даже экзотическая для меня оленина.

В общежитии жило много молодых ещё неженатых ребят-геологов. Были из Свердловска, Саратова и других мест. Со многими из них мы встречались и в последующие годы, когда разъехались по местам своих работ. Там же, в общежитии, я впервые услышал магнитофонные записи В. Высоцкого, привезённые из Москвы, но особого впечатления они на меня в то время не произвели.

Однако мне понравились магнитофоны, которые использовали ребята для записи и воспроизведения. Вскоре пошёл в магазин и купил себе тоже настольный катушечный магнитофон "Днепр-11" – это была улучшенная модификация 10-го "Днепра", который стоял в общежитии. У него было две

скорости – 9 и 4,5. Стандартная катушка на 350 метров, но входила и на 500 метров. По тем временам это был очень приличный аппарат с 4-мя динамиками и хорошей тембровой регулировкой. Стоил он тоже недёшево – 145 рублей. У ребят я переписал целую катушку рок-н-ролла в исполнении оркестра Билла Хейли и ещё некоторых музыкантов. В ближайшую поездку в Североуральск я отвёз магнитофон домой. Весил он около 30 кг, и как я его допёр в Тюмени до вокзала, и как с поезда домой, одному Богу известно.

Однажды, вспомнив Енисейск, я решил попробовать сырой стерлядки. В магазине крупных рыбин почему-то не было. Пришлось взять мелких, замороженных. Оттаял, порезал, посолил. Вкус оказался совсем не тот. Конечно, он напоминал енисейскую стерлядь, но кушать сырой уже не хотелось. Пришлось сварить.

С собой я привёз малокалиберную винтовку. Но моей мечтой оставалась двустволка 12 калибра, особенно курковая МЦ-9. Скоро предстояло возвращение в Саранпауль, и надо было приобретать ружьё. Пошёл по магазинам. Выбора совсем не оказалось. Только и одном из них продавалось бескурковое ИЖ-54 12-го калибра. Пришлось взять его. Прикупил ещё пороху, дробы, гильз, патронташ и т.д.

Но продолжалась дальше и работа. Для горнопроходческих работ надо было ещё изготавливать ряд мелких железок – бадьи, воротки, ендовки, разные крючья и т.д. Всё это дело я нарисовал в эскизах с размерами, написал заявки с нуж-

ным количеством, согласовав перед этим с Чепкасовым количество горнопроходческих бригад. С этими бумагами пошёл к Н.М. Морозову. Он взглянул на мои эскизы, а потом сказал мне: "Ты же инженер! Нельзя так принижать свою профессию! Если ты делаешь даже эскизы, то они должны тоже выглядеть соответствующим образом!". Он преподавал мне урок на всю жизнь. Забрал эскизы назад. В тот же день всё переделал, и он без замечаний подписал все документы. Работая до этого старшим буровым мастером, я привык давать заказы в мехмастерскую на тетрадных клочках, иногда в спешке, не обращая внимания на качество оформления, и никто не требовал с меня лучшего качества таких бумаг. Здесь же я перешёл совсем на другой уровень общения, и приходилось на ходу учиться и перестраивать психологию.

Сам Морозов Н.М., по отзывам людей, часто с ним сталкивавшимися, был талантливым инженером и на своём посту главного инженера много сделал полезного. Его особый, инженерный "нюх", я почувствовал, когда докладывал ему про насосы. Он до этого был абсолютно незнаком с технологиями проходки шурфов, с водоотливом, но сразу уловил главную суть требуемых насосов – большая производительность и способность качать сильно загрязнённую воду. Года через два его перевели начальником Сургутской нефтеразведочной экспедиции.

Много времени отняло составление годовых заявок, т. к. некоторые позиции надо было обосновывать расчётами. Ра-

бота была для меня тоже в некотором роде новая. Пришлось учиться – брал годовые заявки других экспедиций и смотрел там. Часто пришлось ходить к заместителю начальника управления по общим вопросам А.Г. Быстрицкому. Это был уже пожилой человек с седой шевелюрой, небольшого роста, очень подвижный. Беседы с посетителями он вёл весьма активно, т. к. большинство из них хотели получить у него всегда много. За словом он в карман не лез, хорошо знал ситуацию и что у него есть на складах, при случае мог и "красное" словцо вернуть, но не злоупотреблял.

Это был тот самый начальник Березовской нефтеразведки, на скважине которого в 1953 году ударил неожиданный, первый в Западной Сибири газовый фонтан. Он был настоящим первооткрыватель. Я часто приходил к нему с заявками на получение тех или иных материалов для экспедиции по радиограммам Чепкасова В., который находился в Саранпауле. Приходилось часто ездить на склады управления и самому искать нужные для нас вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.